

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*О.И. ШКАРАТАН,
Г.А. ЯСТРЕБОВ*

Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России*

Авторы рассматривают процессы социальной мобильности в двух аспектах, выделяя советский этап, продолжительность которого давала довольно большую накопленную практику для осмысления проблем восходящей/нисходящей мобильности, а также опыт последних полутора десятилетий, когда стало постепенно складываться (и к настоящему моменту, вероятно, во многом уже сложилось) новое российское общество, характерологические особенности которого сегодня стали предметом многочисленных дискуссий.

Ключевые слова: внутр поколенная мобильность, карьерная мобильность, позднесоветское общество, постсоветское общество, современная Россия.

The authors conduct an empirical analysis of intragenerational mobility in the late Soviet era as compared to the post-Soviet society, which is gradually taking shape and the characteristic features of which are a subject to numerous discussions.

Keywords: intragenerational mobility, career mobility, late Soviet society, post-Soviet society, contemporary Russia.

Предшествующий анализ [Шкаратан, 2011] показал, что в современном российском обществе уменьшающееся равенство возможностей приводит к возрастающему реальному неравенству карьерных траекторий выходцев из семей с разным социально-экономическим и культурным статусом. Мы сознаем, что и в ведущих демократических государствах равенство шансов не достигнуто, однако мера неравенства шансов существенно другая. И сопоставление здесь не в пользу России. Между тем для того, чтобы общество могло с максимальной эффективностью задействовать творческий потенциал человеческих ресурсов, важно обеспечить выполнение меритократического принципа, при котором влияние социального происхождения на индивидуальные

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (грант 10-03-00620а “Закрепленность и подвижность профессиональных и социальных статусов как индикаторы реализации принципа равенства шансов (на материалах представительных общероссийских опросов 1990-х–2000-х гг.)”) и Научного фонда ГУ – ВШЭ (грант № 09-01-0064 “Карьерная/внутрипоколенная мобильность в России 1990-х–2000-х гг.”).

Шкаратан Овсей Ирмович – доктор исторических наук, ординарный профессор Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ – ВШЭ), заведующий лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ ГУ – ВШЭ, главный редактор журнала “Мир России”.

Ястребов Гордей Александрович – научный сотрудник лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, ответственный секретарь журнала “Мир России”.

карьеры минимально. Доминировать должны заслуги и достижения, основывающиеся на образовательных квалификациях и навыках, приобретенных за счет способностей и индивидуальных усилий.

При анализе проблемы мобильности в большинстве исследований постсоветского времени по советскому периоду приводились случайные и разрозненные данные по принципу противопоставления “старого” и “нового”. Нам же представилась возможность, правда на не полностью сопоставимом материале, рассмотреть позднесоветское прошлое как предшествующее и во многом объясняющее явления, относящиеся к постсоветской действительности, включая сегодняшние дни.

В ряде публикаций, в том числе в недавно вышедшей монографии [Шкаратан и коллектив, 2009], мы исходили из предположения, что современное российское общество – прямое продолжение советского предшественника, во многом воспроизведшее в новых социально-экономических условиях такие его черты, как преобладание сословных форм неравенства над классовыми, преобладание регулируемой мобильности над естественным процессом перемещения индивидов и групп, преобладание медитократического принципа продвижения над меритократическим. Принимая во внимание сказанное, мы сочли себя обязанными начать с рассмотрения позднесоветской ситуации.

Цель данного исследования, таким образом, состояла в том, чтобы изучить индивидуальные карьерные профессиональные и социальные перемещения в разрезе трех поколений, представляющих три эпохи в жизни страны: канун распада СССР и социалистической системы (середина 1970-х–середина 1980-х гг.); активную фазу постсоциалистической трансформации (середина 1990-х гг.); годы относительной социально-экономической стабильности накануне мирового финансового кризиса (середина первого десятилетия 2000-х гг.). Характер этих перемещений – с нашей точки зрения, один из наиболее адекватных показателей степени реализации принципа равенства шансов в обществе и эффективности функционирования рынка труда.

На раннем этапе обсуждения замысла данного исследования мы исходили из того, что существующие информационные возможности позволяют охватить три перечисленные эпохи в становлении современного российского общества. Разумеется, успешно реализовать этот замысел представлялось возможным только при наличии сопоставимой опросной базы. Решение, как представлялось на тот момент, было найдено в возможности объединить материалы представительных опросов по городам Татарской АССР (ТАССР) в 1974/1975 и 1983/1984 гг. с материалами представительных общероссийских опросов января 1994 г. и ноября–декабря 2006 г., проведенных по сходной методике и направленных на получение надежной информации о динамике и характере социального неравенства в российском обществе.

Однако в реальной практике исследователям редко удается получить информацию, с которой им было бы удобно работать и которая позволяла бы ответить на все интересующие их вопросы. И в этом отношении данный проект, к сожалению, не исключение. В силу трудностей, возникших при попытке восстановить первичную информацию по ТАССР¹, мы были вынуждены ограничиться вторичным использованием материалов, обобщающих полученные в те годы результаты в форме уже готовых таблиц и аналитических заметок, что, впрочем, не умаляет их эксклюзивности, поскольку эти материалы были опубликованы лишь частично, в основном в малотиражных и узкоспециальных изданиях (преимущественно в [Шкаратан, 1987; Этносоциальные... 1986; Коршунов, 1988]).

Выбор ТАССР в качестве объекта исследования в 1974 и 1983 гг. не был случайным. Республика отвечала основным требованиям, предъявляемым к объекту исследования, и довольно полно отражала социально-экономические условия, характерные

¹ Она содержится на устаревших магнитных накопителях, длительное время хранившихся в архиве и, по видимости, не раз подвергавшихся механическим повреждениям, вследствие чего часть данных так и не была восстановлена.

для страны: она находилась примерно на среднем уровне развития сравнительно с другими республиками и регионами СССР и имела многонациональное население. Таким образом, ТАССР представляла собой типичный регион, отражающий в значительной мере социальную структуру и социальные процессы страны в целом. В результате достаточно полно были представлены основные классы и слои населения. За объект анализа внутри республики была взята Казань как центр моноцентрической агломерации, полифункциональный город, один из важнейших административных, политических и культурных центров России. Объем выборки в опросах по городу колебался от трех до четырех тысяч человек.

Ядро информационной базы для изучения процессов социальной мобильности в постсоветской России, как уже было сказано, составили материалы представительных общероссийских опросов, проведенных по единой программе в январе 1994 г. и декабре 2006 г. (объем выборки – около 2500 человек). Поскольку подробная документация этих обследований многократно приводилась нами в предыдущих публикациях [Шкаратан, Ястребов, 2007; Шкаратан и коллектив, 2009, с. 19–28], ограничимся необходимыми пояснениями при обсуждении результатов там, где это будет необходимо.

О методологии исследования

Социальная внутр поколенная (карьерная) мобильность возникает при переходе индивидов, профессиональной или социальной группы из одного социального слоя в другой или при формировании новой социальной группы в пределах жизненного пути возрастной когорты. Мы предполагаем, что и технологическое развитие нашего общества, и его социальная динамика носят инерционный характер, что приводит к избыточной закреплённости членов общества в их профессиональном и социальном статусах. Поэтому важно выявить факторы, препятствующие переходу к интенсивной мобильности – существенному индикатору инновационного развития.

За единицу анализа берется индивид – выходец из определенной социальной среды, который на протяжении жизненного пути, включаясь в функционирование различных социальных институтов, формирует свой статус, принадлежность к той или иной профессиональной и социальной группе и т.д. В основу исследования положен принцип измерения соотношения вертикальной и горизонтальной мобильности. Под первой понимаются такие профессиональные (по виду занятости) перемещения, которые приводят не только к смене вида занятости, но и социального статуса. Под второй – профессиональные перемещения, не приводящие к изменению социального статуса.

Для решения этой задачи сконструированы две шкалы. Первая представляет собой простую номенклатуру видов занятий, которые на основе экспертизы по родственности содержания и условий труда, соотношения исполнительских и организаторских функций объединены примерно в 100 групп (классификатор РГ-100). Например, одна из групп работников квалифицированного физического труда со сходными функциональными характеристиками включала в себя электромехаников, электриков, автоэлектриков, электромонтеров и т.д. Примером группы, объединяющей занятия высококвалифицированного труда, требующего высшего образования, могла бы послужить группа с существенно иными функциональными характеристиками: в состав одной из таких групп вошли такие современные занятия, как аудиторы, финансовые аналитики, логистики, консультанты по налогам и сборам и т.д.²

Вторая шкала представляет собой иерархию основных социальных слоев, где соответствующие виды занятий объединены по уровню их престижности, социальной значимости и социальным функциям. В данном исследовании мы изучаем тот срез социальной структуры, который характеризует социально-профессиональное члене-

²Исчерпывающий перечень позиций классификатора РГ-100 см. http://new.hse.ru/sites/infospace/podrazd/uvp/id/preprints/DocLib/WP7_2007_02.pdf.

ние общества на крупные слои/группы, объединяющие родственные по социально-профессиональным характеристикам занятия. Они отражают различные позиции этих групп в системе трудовых отношений.

Сконструированные нами шкалы были сопоставлены со шкалами М. Блау и О. Данкена, Р. Хаузера, Дж. Голдторпа, а также с широко применяемым сегодня в сравнительных стратификационных исследованиях кодификатором занятий ISCO-88. Все перечисленные схемы в качестве ключевых критериев группировки используют профессиональную принадлежность индивидов (их схожесть по роду занятий) и характер их занятости, которые рассматриваются в западной традиции в качестве синдромов свойств, характеристик социальных субъектов. Характер занятости и род занятий представляют собой высокоинформативные показатели, поскольку в них “зашифровано” множество характеристик конкретных видов экономической активности, заключена совокупность качеств, навыков и умений, знаний, которыми должен обладать индивид как актер данного вида деятельности. Проведенные сопоставления подтверждают не только жизнеспособность нашей классификации, но и ее конвертируемость и сопоставимость с классификациями коллег (см. [Шкаратан, Ястребов, 2007; Ястребов, 2010]).

Однако в изучении социальной карьерной мобильности нерешенными остаются некоторые важные методологические проблемы. В частности, в зарубежных работах перемещение с позиций рабочего на позиции конторского работника традиционно квалифицируется как восходящая мобильность. Но экономическое положение квалифицированного рабочего обычно более выгодно, чем у клерка. Добавим, что социальный статус рабочего и клерка по-разному оценивается в разных культурах. Меняются в течение трудовой карьеры одного поколения содержание и условия труда в одной и той же профессии и т.д.

Логическим ядром исследования является эмпирическая модель основных теоретических представлений о процессе мобильности. Ее главные элементы: 1) социальный и профессиональный статус респондента на момент опроса; 2) исторические поколения – возрастные когорты, выделенные в соответствии с историческим периодом, на который пришлось профессиональная социализация респондента; 3) статусные характеристики родителей (социальное происхождение).

В качестве компонент статуса на различных этапах жизненного пути респондента рассматриваются профессиональный статус и уровень образования. Непрерывный процесс, охватывающий жизненный путь респондента, разделен на дискретные интервалы. Эмпирическая модель траекторий жизненного пути включает следующие временные точки: статусные характеристики родителей на начало трудового пути респондента; те же характеристики респондента на начало его карьеры; в 30 лет; на момент опроса. На жизненном пути респондентов брались следующие временные точки: начало постоянной трудовой деятельности, женитьба, достижение 30-летнего возраста, момент опроса. Наконец, по детям респондентов устанавливались социальные показатели на момент опроса. Эта динамика социального положения рассчитывалась порознь – по мужскому и женскому вариантам жизненного пути: отец респондента – респондент (мужчина) – старший сын респондента; мать респондента – респондент (женщина) – старшая дочь респондента.

О динамике социальных перемещений в позднесоветском обществе

Центральным моментом методики было создание системы показателей динамики социального положения как при смене поколений, так и внутри них. С учетом среднего возраста респондентов (около 35 лет), значительной доли опрошенных старше 50 лет мы располагали информацией о социальных судьбах людей практически за все годы советской власти. Исследование давало возможность выделить влияние трех групп факторов: макросреды (уровень советского общества в целом); мезосреды (система рабочих мест и социальная инфраструктура города, система местного управления и

планирования) и микросреды (семья, в которой шла первичная социализация; учреждения воспитания, образования и профессиональной подготовки; семья респондента на момент опроса; социально-культурные учреждения города; непосредственное дружеское окружение).

Анализ жизненных путей горожан проводился методом обобщения ретроспективных характеристик, то есть создания типов жизненных путей с учетом различий, обусловленных рядом факторов. При этом мы исходили из предпосылки, что воспроизводство социальной структуры находит свое выражение в социальной мобильности населения, то есть в изменении социальной позиции отдельных индивидов. Характер же этих индивидуальных перемещений раскрывает характер и направленность социального воспроизводства. В частности, в СССР одним из преобладающих направлений были переходы от менее к более квалифицированной работе, от преимущественно физического к преимущественно умственному труду, от труда в сфере материального производства к труду в сфере обслуживания и информации, от проживания в сельской местности к проживанию в городе.

В последние годы советской власти Россия перестала быть тем высокодинамичным обществом, каким она была в период высоких темпов индустриального строительства и массовой урбанизации, предоставлявших выходцам из социальных низов огромные возможности для улучшения социального положения. Как уже было сказано, ТАССР в этом отношении – типологически правильно выбранный объект, поскольку это регион относительно более позднего индустриального развития, чем многие другие территории (например, Уральский, Северо-Западный и Центральный территориально-экономические районы).

Высокая динамика социальных перемещений в промышленно развитых советских городах, о которой свидетельствуют данные, приводимые в таблице 1, таким образом, была вполне ожидаемой. Она связана с тем, что, во-первых, как правило, дети крестьян по-прежнему переезжали в город, чтобы стать квалифицированными рабочими или, реже, служащими, а во-вторых, выходцы из рабочих семей успешно совершали карьеру квалифицированных профессионалов. В то же время на этом фоне информация о динамике внутривозрастной социально-профессиональной мобильности, содержащаяся в таблице 2, выглядит, на первый взгляд, парадоксально. Действительно, если говорить о временном периоде, представленном в первой таблице, то необходимо подчеркнуть, что изменения технико-технологической основы труда в условиях научно-технической революции, исторические успехи Советского Союза в организации общего и профессионального образования молодежи, широкое распространение современных форм жизнедеятельности в процессе урбанизации привели к тому, что на смену работнику доиндустриального и индустриального типов пришел образованный и культурно развитый индивид новой генерации, которому был доступен широкий диапазон профессиональных позиций в народнохозяйственном комплексе. Это, казалось бы, должно неизбежно привести к резкому возрастанию количества социально-профессиональных перемещений в течение трудовой деятельности людей. На деле ситуация обратная: в 1970–1980-е гг. социально-профессиональная стабильность работников возростала, хотя и незначительно.

Так, бросается в глаза тот факт, что не только резко упала доля сельскохозяйственных рабочих среди отцов респондентов (с 40,1% до 19,0%), но и сами респонденты (5,6–6,9%), включая их детей (0,0–0,7%), гораздо реже начинали свою трудовую деятельность в этом качестве, что свидетельствует о значительном исчерпании такого ресурса индустриализации, как сельское население. Что еще можно сказать о снижении динамики социальных перемещений по таблице 1? В городской массе между 1974 и 1983 гг. неуклонно снижалась доля лиц, начинавших свой трудовой путь малоквалифицированными рабочими, что было вызвано продолжающимся в СССР развитием промышленности и обеспечивающей ее системы образования и профессиональной подготовки.

Социальный состав трех поколений горожан
(Казань, 1974 и 1983 гг., в % ответивших по столбцу)

Социальные слои	Временные точки				
	Отец на начало трудовой деятельности респондента	Респондент на начало своей трудовой деятельности	Респондент в возрасте 30 лет (только по 1983 г.)	Респондент на момент опроса*	Старший сын респондента на момент опроса
Крестьяне, колхозники	40,1/19,0	5,6/6,9	0,9	2,3/0,2	0,0/0,7
Рабочие не- и малоквалифицированного труда	14,7/16,6	8,3/10,3	5,1	14,4/12,0	5,7/8,3
Рабочие квалифицированного и высококвалифицированного труда	26,3/37,1	63,9/61,7	59,0	39,7/37,6	58,2/52,0
Работники нефизического малоквалифицированного труда (технические работники)	4,7/4,1	2,2/1,9	2,2	10,4/10,3	0,0/4,5
Работники квалифицированного умственного труда, требующего среднего специального образования	6,5/9,0	9,0/7,7	10,8	16,8/15,5	13,5/8,9
Работники квалифицированного и высококвалифицированного умственного труда, требующего высшего образования	6,3/11,7	10,5/11,0	20,2	12,4/23,0	22,7/24,5
Работники высококвалифицированного управленческого труда	1,4/2,5	0,4/0,5	1,8	4,0/1,4	0,0/1,1

Примечание: под чертой – данные 1983 г. [Шкаратан, 1987, с. 90–91]; *над чертой* – где доступно, данные 1974/75 гг. по русскому населению [Этносоциальные... 1986, с. 164], причем за 100% взята сумма долей по всем слоям за вычетом “прочих”, которые приведены в оригинальной таблице.

* Данные по 1974/75 гг. рассчитаны по информации из Отчета по теме № 705 Плана научно-исследовательских работ по естественным и общественным наукам на 1971–1975 гг. (научный руководитель О.И. Шкаратан).

Как известно, внутр поколенческая социально-профессиональная мобильность – результат действия множества противоречивых факторов, которые условно могут быть отнесены к двум типам: изменяющим качественные характеристики индивида – участника трудового процесса и воздействующим на условия (в широком смысле) труда человека. В зависимости от характера влияния на интенсивность мобильности все факторы делятся на способствующие и препятствующие увеличению числа социально-профессиональных перемещений. Поскольку приведенные выше данные указывают на отсутствие роста карьерной мобильности за рассматриваемые нами временные периоды, логично предположить, что в эти периоды преобладало воздействие факторов, ведущих к усилению тенденций на стабилизацию социально-профессиональных групп.

Рассмотрим динамику качественных параметров работников. Тенденции к росту уровня образования индивидов отражают данные о межпоколенной и внутр поколенческой динамике этого фактора. По данным 1983 г., 69,0% отцов и 73,5% матерей

респондентов имели образование до 9 классов, в то время как среди респондентов такое образование имели 19,9%. Среднее специальное образование и выше имели 22,8% отцов, 18,7% матерей и 55,4% респондентов.

В дополнение к таблице 1 также необходимо отметить, что согласно обследованию 1983 г. в Казани 88,2% респондентов старше 60 лет имели социально-профессиональный статус выше, чем их родители; в возрастной когорте 50–59-летних – 82,1%; 40–49-летних – 75,4%; 30–39-летних – 67,0%. Эта динамика во многом была связана с качественными преобразованиями содержания деятельности в прежних по названию видах труда. С учетом этого лиц, сохранивших социально-профессиональный статус родителей в условиях поздней индустриализации, было бы справедливо отнести к носителям типа расширенного социального воспроизводства [Шкаратан, 1987, с. 88].

Хотелось бы добавить, что такое ускорение социальных процессов не привело к каким-либо издержкам для населения. Достаточно привести данные об удовлетворенности занятого населения обследованных городов их возможностью повысить свою квалификацию. По всем социальным слоям и городам доля удовлетворенных нигде не опускалась ниже 65–70%. Еще выше доля тех, кто признавали, что их квалификация соответствовала требованиям работы (80–87%). Доля утверждавших, что работа требует больших знаний и большей квалификации, не превышала 8–10%. Лишь по группе рабочих, связанных с освоением новейших для того времени технологических процессов, этот процент был выше 17. Таким образом, есть все основания полагать, что в СССР расширенное воспроизводство трудовых ресурсов на завершающей фазе

Таблица 2

Карьерная мобильность в профессии и социальном положении
(Казань, 1974 и 1983 гг., в % ответивших по строке)

Социальное положение в момент опроса	Не менявшие профессию и социальное положение	Изменившие профессию и социальное положение	Изменившие профессию, но сохранившие социальное положение
Рабочие не- и малоквалифицированного труда	26,3/29,5	53,5/50,2	20,2/20,3
Рабочие квалифицированного труда	47,3/49,4	27,2/24,7	25,5/25,9
Рабочие высококвалифицированного труда	24,5/34,2	71,4/57,2	4,1/8,6
Работники нефизического малоквалифицированного труда (технические работники)	34,6/42,6	49,6/45,8	15,8/11,6
Работники квалифицированного умственного труда, требующего среднего специального образования	43,5/47,0	47,8/48,2	8,7/4,8
Руководители небольших производственных коллективов	9,1/10,9	90,2/87,1	0,7/2,0
Работники квалифицированного умственного труда, требующего высшего образования	33,0/37,1	59,3/55,0	27,7/7,9
Работники высококвалифицированного умственного труда	25,0/17,9	69,9/79,1	5,1/3,0
Работники высококвалифицированного управленческого труда	4,8/9,3	95,2/90,7	0,0/0,0
Всего	35,9/39,6	48,7/45,2	15,4/15,2

Примечание: под чертой – данные 1983 г.; над чертой – данные 1974 г. [Коршунов, 1988].

его развития происходило как органический процесс без каких-либо общественно значимых патологических явлений.

Нет надобности сравнивать те небольшие изменения, которые произошли за менее, чем десятилетие, разделившее два опроса. Однако стоит отметить, что за такой сравнительно небольшой период времени ощутимых изменений в характере социальной мобильности не произошло. Обращает на себя внимание то, что во всех слоях, связанных с квалифицированным трудом, прежде всего у статистически преобладавших рабочих квалифицированного труда, доминировала стабильность на протяжении жизненного пути и в профессии, и в социальном статусе. Это неудивительно, если учесть, что тому способствовала политика правящей партии, которая стремилась к формированию так называемых “рабочих династий” и потому всячески пропагандировала тезис о ведущей роли рабочего класса в обществе. В то же время КПСС стимулировала повышение образовательного уровня рабочих, всячески развивая систему вечернего и заочного, прежде всего технического, образования (как среднего специального и высшего), рассчитанного в первую очередь на представителей рабочих профессий.

Роль типа поселения как фактора, влияющего на динамику социальных перемещений, вытекает из следующих данных. В 1974 г. в Казани из респондентов, начавших свою трудовую деятельность неквалифицированными рабочими и пошедших в школу в деревне, 38,3% остались в том же слое, 29,3% перешли в слой квалифицированных рабочих, 10,8% стали служащими на должностях, не требующих специального образования, 11,3% – служащими со средним специальным образованием и лишь 5,3% стали работниками умственного труда, занятыми на должностях, требующих высшего образования. Из неквалифицированных рабочих, начавших обучение в школе в крупном городе, 26,3% остались в слое, 10,7% стали квалифицированными рабочими, 10,1% – служащими на должностях, не требующих специального образования, 15,8% – служащими со средним специальным образованием, 26,3% – работниками умственного труда, требующего высшего образования, 4,9% – работниками умственного труда, требующего высшего образования и дополнительной подготовки.

Рассматривая данные по другим социальным слоям, можно заметить, что работники, начавшие обучение в школе в менее развитых типах поселений, более постоянны в слое (по группе “квалифицированные рабочие” осталось в слое среди выходцев из села 59,2%, среди горожан – 40,5%, по группе “служащие на должности, не требующей среднего специального образования”, соответственно, 24,5% и 11,8%). Причем для данной категории гораздо больше тех, кто перешли в более низкие социальные слои. Например, из “квалифицированных рабочих” в “неквалифицированные” перешли 9,0%, а среди горожан – 2,7%; из служащих со средним специальным образованием перешли на должности, не требующие среднего специального образования, соответственно, 4,6% и 0,0%, стали квалифицированными рабочими 7,7% и 2,9%, а неквалифицированными – 7,7% и 2,9%.

Таким образом, тип поселения влиял на направление мобильности населения, то есть мобильность выходцев из малых городов и села в большей мере ориентирована на профессии и должности управленческого труда, а выходцев из крупных и больших городов – на профессии творческого труда. Причина, пожалуй, состоит в том, что у выходцев из различных социальных групп имелись еще не вполне развитые возможности получения высшего или среднего специального образования, а также повышения своей квалификации. Это связано с существовавшими тогда социальными различиями, сказывавшимися, в частности, на фактическом уровне подготовки выпускников различных видов школ: городских и сельских; дневных средних школ, где процент детей рабочих и сельскохозяйственных работников в старших классах был несколько ниже по сравнению с младшими классами, и вечерних (сменных) средних школ, где большинство учащихся составляли рабочие и колхозники.

Со сменой поколений постепенно ослабевала связь между социальным происхождением родителей и социальным положением детей: дети рабочих все чаще на-

Связь социального положения с социальным происхождением
(Казань, 1974 г.)

Годы рождения	% детей рабочих, начинающих свою трудовую деятельность специалистами и служащими
После 1944 г.	39
1934–1944 гг.	35
1924–1934 гг.	26
До 1924 г.	25

Таблица 4

Социально-профессиональная принадлежность к 30 годам у лиц, начавших трудовую деятельность неквалифицированными рабочими
(Казань, 1974 г.)

	Годы рождения респондентов				
	До 1914 г.	1914–1924 гг.	1924–1934 гг.	1934–1944 гг.	После 1944 г.
Стали специалистами	11	12	23	23	50
Стали квалифицированными рабочими	18	18	23	44	33
Остались неквалифицированными рабочими	71	70	54	33	17

чинали свою трудовую деятельность в качестве квалифицированных специалистов и служащих. Результаты исследования показывают, что мать оказывала определяющее воздействие на первоначальную социально-профессиональную позицию респондента. Однако в дальнейшем неуклонно возрастало влияние статуса отца, в итоге становившееся решающим. Если сравнить роль родителей в формировании социального статуса индивидов в различного типа городах, можно сделать вывод, что чем более развита в социальном отношении территориальная общность, тем менее зависит статус индивида от влияния социального положения родителей. Но наибольшая преобладающая наблюдалась в группах работников умственного труда с высшим образованием и квалифицированных рабочих (см. табл. 3). Об ослаблении влияния социального происхождения на социальное положение наглядно свидетельствует таблица 4.

Как видно, динамика внутривозрастных социальных перемещений от старшего поколения к младшему поколению в СССР росла. Так (по данным опроса 1974 г. в Казани), среди респондентов, родившихся до 1914 г., к 30 годам специалистами становились только 11%, тогда как среди поколения родившихся после 1944 г. таковых была уже ровно половина! К сожалению, мы не располагали аналогичными данными по 1983 г., хотя в контексте других проведенных нами исследований очевидно, что темпы и масштабы восходящей карьерной мобильности в последующем начали ослабевать.

Ресурс восходящей социальной мобильности задается высоким процентом людей, оценивающих, что работа не обеспечивает им реализации своего творческого потенциала. В этом отношении представительный опрос, охвативший 3500 работающих горожан в одном достаточно типичном крупном советском городе, продемонстрировал полное соответствие функциональных обязанностей и квалификации работников. Из таблицы 5 следует, что люди, чьи профессии и должности требуют высокой квалификации, испытывают большую потребность в приобретении дополнительных знаний, опыта, чем работники более низкой квалификации. Таким образом, по существу,

**Распределение работающего населения по степени соответствия
требований работы и действительной квалификации**
(Казань, 1983 г., в % ответивших)

Социальный слой	Степень соответствия выполняемой работы и квалификации			
	Вполне соответствует	Работа требует больше знаний, опыта	Работа ниже возможностей	Индекс сложности выполняемой работы*
Рабочие не- и малоквалифицированного труда	80,0	5,7	14,3	1,91
Рабочие квалифицированного труда	85,3	7,9	6,8	2,01
Рабочие высококвалифицированного труда	75,3	17,8	6,9	2,11
Работники нефизического малоквалифицированного труда (технические работники)	79,3	11,6	9,1	2,03
Работники квалифицированного умственного труда, требующего среднего специального образования	76,0	13,5	10,5	2,03
Руководители небольших производственных коллективов	74,3	12,6	13,1	2,00
Работники квалифицированного умственного труда, требующего высшего образования	74,6	16,2	9,2	2,07
Работники высококвалифицированного умственного труда	79,1	8,7	12,2	1,97
Работники высококвалифицированного управленческого труда	74,1	16,6	9,3	2,07
Всего	79,9	10,7	9,4	2,01

* Рассчитывается по следующей формуле: доля ответов “работа требует больше знаний, опыта” $\times 3$ + доля ответов “вполне соответствует” $\times 2$ + доля ответов “работа ниже возможностей” $\times 1$. Все данные из [Коршунов, 1988].

в конце советского режима даже в продвинутых экономических центрах мы не имели значимого человеческого ресурса для модернизации экономической системы страны. Это совершенно справедливо характеризует соответствующую эпоху в истории Советского Союза как эпоху “застоя”.

Карьерная мобильность экономически активного населения в постсоветской России

Обсуждение проблем карьерной мобильности, как и других относительно частных проблем, имеет смысл при принятии в основу анализа концепции о природе социально-экономической системы. Результатом предшествующего анализа, итоги которому подведены в [Шкаратан и коллектив, 2009], стало принятие идеи относительно того, что в современной России сложился *неоэтакратизм* как новая фаза развития предшествовавшего ему советского этакратизма.

Очевидно, что в том специфическом социально-экономическом порядке, который сложился в современной России, и социальное неравенство, и весь строй социально-

групповых отношений, и стратификационная иерархия также носят специфический характер. Несмотря на взаимодействие с другими системами, внутри этого крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде столетиями воспроизводилось то, что может быть охарактеризовано как *сословная иерархия*. Современная неэтакратическая система расширила эту сословную иерархию, дополнив ее протоклассовой дифференциацией, основанной на частной собственности и распределении занятого населения по разным социально-экономическим нишам рынка труда.

Этот переход к новой своеобразной дуалистической системе социальной стратификации – едва ли не самый важный компонент трансформационных процессов в России после коренных изменений в экономических и политических институтах. За последние два десятилетия в России произошли серьезные качественные изменения в характере воспроизводства стратификационной иерархии. Эти перемены затронули позиции, состав и структуру различных социальных групп, сам “список” этих групп как на верхних ступенях социальной иерархии, так и на средних и низших. Поэтому усложнилась система критериев, или статусных индикаторов, по которым определяется положение было далеко не самым существенным показателем статуса в советской России, сейчас же это один из важных индикаторов. Другими словами, возникла новая система социальных координат, соответствующая новым экономическим и политическим отношениям.

Как результат воздействия деформированных рыночных отношений и технико-технологического порядка, который объединяет все цивилизации современного мира, в России существует и социально-профессиональная градация населения, и его распределение по нишам на рынке труда. Как известно, социально-экономический аспект разделения труда обуславливает, с одной стороны, социально-профессиональную стратификацию, присущую всем обществам, с другой – будучи опосредованным рынком труда и системой реального неравенства, он служит источником формирования общественных классов в развитых капиталистических странах. В России же мы имеем дело именно с социально-профессиональной стратификацией, то есть с занятиями, различающимися характером (содержанием и условиями) труда, а не их качественными статусными характеристиками, выработанными корпоративностью общей принадлежности к одной профессии. В результате образуются функционально расчлененные группы, размещенные по социально-профессиональным позициям, а также социально-потребительские группы, размещенные по шкале “богатство–бедность”. Поэтому есть все основания изучать те срезы, те аспекты социальной структуры современного российского общества, которые отражают эти закладываемые рыночными отношениями социально-производственную и потребительскую дифференциации и в рамки которых органично вписываются, например, и средние классы/слои. Этот тип социальной стратификации устойчиво воспроизводится с 1990-х гг.

Мы попытаемся исследовать карьерную (внутрипоколенную) мобильность на основе изучения социально-профессиональных групп/слоев в рамках воспроизводящейся в современной России социально-профессиональной иерархии. В частности, мы предполагаем рассмотреть динамику индивидуальных и профессиональных социальных перемещений на протяжении жизненного пути респондентов в зависимости от влияния таких факторов, как институт семьи, образования, тип поселения. Под внутрипоколенными перемещениями понимаются изменения в занятиях и социальных позициях, которые происходят в течение жизненного цикла индивидов.

Тем не менее целесообразно было бы начать рассмотрение внутрипоколенных перемещений с обобщения соответствующей информации о трех основных поколениях (родителей респондента, самого респондента и его детей) без выделения динамики по отдельным возрастным когортам (см. табл. 6). При всей своей неоднозначности она позволяет выявить некоторые очевидные тренды в динамике социально-профессиональной структуры занятого российского населения в период экономического спада 1990-х гг. и подъема 2000-х гг. В частности, обратим внимание на столь часто

Соотношение социально-профессиональных статусов трех поколений
(по материалам опросов 1994 и 2006 гг., в % ответивших по столбцу)

Социальный слой	Отец на начало трудовой деятельности респондента	Мать на начало трудовой деятельности респондента	Респондент на момент опроса	Старший сын/дочь респондента на момент опроса (только по 2006 г.)
Предприниматели	0,3/1,3	0,0/0,2	2,5/3,5	3,1
Управляющие высшего звена и чиновники	1,5/1,5	0,1/0,0	0,6/0,4	0,5
Управляющие среднего звена	2,4/2,1	0,9/1,6	2,0/3,3	2,0
Руководители низового уровня	9,5/9,4	3,6/4,0	7,3/6,7	4,9
Высококвалифицированные профессионалы	2,5/1,9	3,0/1,4	8,0/4,2	4,9
Профессионалы с высшим образованием	30,1/9,3	21,7/17,6	20,5/12,2	16,7
Работники со средним специальным образованием	8,1/3,0	18,4/15,6	18,5/11,8	18,6
Технические работники (в торговле, обслуживании)	1,5/2,5	2,9/11,0	3,6/9,8	17,0
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	26,1/51,5	8,8/14,6	24,4/32,3	22,2
Не- и полуквалифицированные рабочие	17,7/16,8	40,1/33,3	12,3/13,7	9,2

Примечание: здесь и далее через черту приводятся данные опросов 1994 и 2006 гг., соответственно.

обсуждаемые (в связи с их неблагоприятным положением) группы профессионалов. Материалы наших опросов свидетельствуют о неуклонном снижении представителей данных групп не только среди самих респондентов (с 28,5% в 1994 г. до 16,4% в 2006 г.), но и среди предшествующего им поколения, то есть их родителей, причем наиболее резко эта тенденция проявилась среди отцов (с 32,6% в 1994 г. до 11,2% в 2006 г.) по сравнению с матерями, где их снижение было незначительным (с 24,7% до 20,0% в соответствующие годы). Все это демонстрирует утрату страной значительной части ее интеллектуальных ресурсов, столь же трудновосполнимых, как и необходимых для обеспечения конкурентоспособности экономики в условиях стремительного развития инновационно ориентированных западных и многих восточных стран.

При этом обращают на себя внимание тенденции перемещения респондентов в ряды работников квалифицированного физического труда: от опроса к опросу растет доля представителей соответствующих занятий даже в старшем поколении, среди родителей респондентов (26,1% в 1994 г. до 51,5% в 2006 г. у отцов и с 8,8% до 14,6% у матерей, соответственно), среди самих респондентов (с 24,4% до 32,3%), а также среди их старших детей (22,2% в 2006 г.). При этом многими экспертами отмечается острая нехватка соответствующих кадров на рынке труда.

Что касается представителей низшей ступени социально-профессиональной иерархии – не- и малоквалифицированных рабочих, то в данном случае судить о какой-либо четко прослеживаемой тенденции представляется преждевременным. Общее снижение их доли в 2006 г. можно объяснить за счет растущего иммиграционного потока из

Распределение респондентов и их родителей по уровню образования
(по материалам опросов 1994 и 2006 гг., в % ответивших по столбцу)

Уровень образования	Отец респондента	Мать респондента	Респондент
Неграмотные, неполное среднее (включая ПТУ)	52,1/28,6	54,2/31,7	16,0/24,3
Оконченное полное среднее	13,5/17,3	13,5/19,3	24,0/18,3
Среднее специальное (профессиональное)	17,1/27,9	18,7/31,1	32,5/30,8
Незаконченное высшее	1,5/1,1	1,5/1,5	4,6/2,5
Высшее	15,8/16,0	12,1/16,4	22,9/24,1
Средний уровень образования*	2,15/2,31	2,04/2,52	2,94/2,84

* Рассчитывается по следующей формуле: доля 1-й группы × 1 + доля 2-й группы × 2 и т.д.

стран ближнего зарубежья, благодаря которому происходит вытеснение работников с российским гражданством в те сегменты рынка труда, где требуется более высокая квалификация и имеется соответствующий спрос.

Обращает на себя внимание отсутствие значимых сдвигов в воспроизводстве социально-профессиональных групп управляющих. Их относительная доля в структуре занятого населения, равно как и взаимное соотношение во внутренней структуре (в которой нами были выделены руководители трех уровней – высшего, среднего и низшего звеньев управления), оставались неизменными на протяжении всего постсоветского периода. Довольно стабильными данные соотношения выглядят также и в составе представителей смежных поколений.

Вполне определенно наметилась тенденция к формированию и стабилизации в социально-профессиональной структуре населения слоя предпринимателей. Примерно таков же характер динамики доли предпринимателей в социальном составе родителей и детей респондентов. Это подтверждают наблюдения других исследователей о неблагоприятии с формированием слоя малых и средних предпринимателей, о переходе данной группы от расширенного воспроизводства к простому. Что касается социально-профессиональной группы работников со средним специальным образованием, то здесь обращает на себя внимание тенденция к сокращению ее доли в социально-профессиональном составе как поколения респондентов, так и поколения их родителей.

Судя по данным таблицы 6, можно также судить об относительной стабилизации доли технических работников в составе занятого населения (с 3,6% в 1994 г. она выросла до 9,8% в 2006 г.). Период значительного расширения данной группы приходится на годы, когда в экономике страны в результате рыночной трансформации активно развивались сектора, предъявляющие спрос на рабочую силу соответствующей квалификации, прежде всего сфера торговли и бытовых услуг, которые в советской экономике были развиты слабо.

Межпоколенная динамика образовательной структуры занятого населения России с 1994 по 2006 г. отражена в таблице 7. С этим можно спорить, но общий уровень образования российских работников в рассматриваемый период, как ни странно, снизился. Это заметно прежде всего в связи с достаточно значительным увеличением доли занятых с образованием не выше 9 классов общеобразовательной школы: с 16,0% в 1994 г. до 24,3% в 2006 г. Кроме того, обращает на себя внимание, что пропорция наиболее образованных групп населения, включающих работников со средним специальным и высшим профессиональным образованием, в рассматриваемый период практически не изменилась (в сумме снизилась с 60,0% до 57,4%). В частности, доля лиц, имеющих вузовское образование (включая незаконченное высшее, магистратуру и аспи-

Перемены в образовательной подготовке за годы социально-трудовой карьеры
(по материалам опросов 1994 и 2006 гг., число лет обучения)

Социально-профессиональный статус респондента	В начале трудовой деятельности	В момент опроса
Предприниматели	12,16/12,29	12,36/13,20
Управляющие высшего и среднего звеньев	12,86/13,43	13,46/15,14
Руководители низового уровня	11,45/12,64	12,20/13,63
Высококвалифицированные профессионалы	13,29/13,93	15,15/14,94
Профессионалы с высшим образованием	12,96/13,98	13,98/14,97
Работники со средним специальным образованием	11,71/12,69	12,04/13,57
Технические работники (в торговле, обслуживании)	11,08/11,93	11,47/12,73
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	10,38/11,55	10,89/12,06
Не- и полуквалифицированные рабочие	9,92/11,27	10,26/11,66
Коэффициент Крамера (в скобках – коэффициент значимости)	0,25 (0,00)/0,26 (0,00)	0,32 (0,00)/0,28 (0,00)

рантуру), судя по нашим опросам, увеличилась с 22,9% в 1994 г. до 24,1% в 2006 г. Одновременно незначительно снизилась доля работников, окончивших средние специальные учебные заведения: с 32,5% в 1994 г. до 30,8% в 2006 г. Тем не менее данные наших опросов свидетельствуют, что общий образовательный уровень респондентов значительно выше общего образовательного уровня их родителей, период подготовки которых приходился преимущественно на советский период. Другими словами, для старших поколений характерно наличие большего количества людей с низким уровнем образования и меньшего – с высокой образовательной подготовкой.

На примере данных таблицы 8 рассмотрим, как в процессе социально-экономической трансформации начала 1990-х гг. изменились стимулы к повышению образовательного уровня у представителей различных социально-профессиональных групп. Попытаемся выяснить, происходит ли концентрация образовательных ресурсов в отдельных группах или их рост характерен для занятого населения страны в целом. В слое рабочих квалифицированного труда прирост образования со времени начала трудовой деятельности к моменту опроса сохранялся практически неизменным: в 1994 г. он составил 0,51 лет обучения, в 2006 г. – 0,51. Отсутствие сколько-нибудь значимой динамики демонстрируют аналогичные показатели по профессионалам с высшим образованием. По опросу 1994 г. рост образования в соответствующей группе работников составил 1,02 (лет обучения), по последнему опросу за 2006 г. – 0,99.

Прирост образовательной подготовки от начала трудовой деятельности до момента опроса составил у руководителей низового звена 0,75 в 1994 г. и 0,99 в 2006 г. Аналогично выглядит динамика прироста образования и у менеджеров высшего среднего и среднего звена, и у представителей других социально-профессиональных групп, за вычетом высококвалифицированных профессионалов. Те из них, кто сохранились в этой социально-профессиональной позиции, не дали приращения образовательного уровня за период от начала трудовой карьеры до момента опроса. Это показывает, что на соответствующих рабочих местах сохранились самые консервативные и маломотивированные работники. Но ведь именно эта социально-профессиональная группа – определяющая в инновационном повороте экономики.

Семья, будучи важнейшим элементом социальной среды, обеспечивает первичное включение индивида в систему социальных связей. С одной стороны, через нее

накапливается и передается социальный опыт предшествующих поколений в форме традиций, ценностных ориентаций, при этом семья активно влияет на процесс социализации личности. С другой стороны, сама она подвержена воздействию социальной среды, будучи одним из социальных институтов общества, тесно связанных и зависящих от характера развития как социальной системы в целом, так и отдельных ее институтов. Именно семья во многом готовит индивида к приобретению определенного социально-профессионального статуса и достижению определенного уровня образования, а также к определенному характеру внепроизводственной деятельности. Эти и другие функции семья осуществляет посредством формирования ценностно-трудовых, ценностно-образовательных, потребительских и других ориентаций индивида. Иными словами, социальное происхождение оказывает определенное влияние на первоначальное социально-профессиональное положение индивида и его дальнейший жизненный путь, и потому его анализ приобретает существенное значение. Из всей совокупности возможных к изучению зависимостей остановимся лишь на влиянии социального статуса родителей респондентов на результаты их социальной карьеры.

В социологической литературе долгое время в качестве референта социального происхождения рассматривался отец. По его социальной позиции обычно определяли социальное происхождение индивида, через социальный статус отца исследовали влияние происхождения на жизненные траектории индивида. Однако сегодня вопрос о преобладающем влиянии отца на формирование индивида не может решаться однозначно. Подтверждение этому мы находим в показателях таблицы 9. Из них следует, что разница в силе влияния отца и матери на процесс формирования социально-профессионального статуса незначительна, причем она практически нивелируется в ходе социальной карьеры индивида. Тем не менее некоторые отличия все же существуют. Во всех трех опросах мать оказывает большее воздействие на первоначальную социально-профессиональную позицию респондента, хотя в дальнейшем несколько возрастает влияние статуса отца.

Данные таблицы 10 демонстрируют устойчивость в разрезе возрастных, а учитывая социальные потрясения последних двух десятилетий, и исторических поколений примерно равного влияния статусов обоих родителей на социальный статус детей при несколько большем влиянии статуса матери. Характерно меньшее влияние социального статуса родителей на положение детей в обществе по отношению к поколению, чьи первые шаги в социальной карьере пришлось на конец 1980-х–первую половину 1990-х гг., то есть на пик трансформационного сдвига с возросшим влиянием случайных факторов и индивидуальных характерологических особенностей и главное – сменной критериев социального статуса. У этого промежуточного (по критериям 2006 г.) поколения существовал более широкий выбор направлений социальной мобильности, чем у младшего и старшего поколений. Они значительно реже наследовали профессии и социальные позиции своих родителей.

Таблица 9

**Связь социально-профессионального статуса респондентов
с социальным положением их родителей**
(по материалам опросов 1994 и 2006 гг., в коэффициентах Крамера)

Социальный статус родителей к началу респондентом трудовой деятельности	Социальный статус респондента в момент начала трудовой деятельности	Социальный статус респондента в момент опроса
Отец	0,099/0,147	0,109/0,135
Мать	0,137/0,161	0,121/0,136

Примечание: все коэффициенты значимы на 1%-ном уровне значимости.

**Связь социального статуса респондентов различных возрастных когорт
с социальным положением их родителей**

(по материалам опросов 1994 и 2006 гг., в коэффициентах Крамера)

Социальный статус родителей к началу респондентом трудовой деятельности	Социальный статус респондента в момент опроса		
	18–29 лет	30–49 лет	более 50 лет
Отец	0,163/0,257	0,140/0,147	0,148/0,219
Мать	0,202/0,218	0,147/0,152	0,199/0,229

Примечание: все коэффициенты значимы на 1%-ном уровне значимости.

Процесс формирования социально-профессионального статуса представителей вновь вступающих в жизнь поколений условно можно расчленить на два разнонаправленно действующих процесса, имеющих место при смене поколений. С одной стороны, наблюдается статистически существенная межпоколенная преемственность социальных статусов. Выявляется закономерность, в силу которой разные социальные группы воспроизводят самих себя. С другой стороны, наблюдается интенсивная социальная мобильность: освоение новых профессий, смена вида и сферы трудовой деятельности, приобретение качественно иного опыта и знаний, изменение ценностных ориентаций. Наибольшая преемственность наблюдается в группах профессионалов с высшим образованием и квалифицированных рабочих. Так, в 2006 г. 22,1% профессионалов унаследовали социально-профессиональный статус отца, матери – 36,8%. Квалифицированные рабочие в 62,9% случаев наследовали статус своих отцов и в 18,5% – матерей. Как видно, механизм наследования в разных социально-профессиональных слоях имеет свою специфику. Если главный социально-профессиональный “консервант” у профессионалов – мать, то наследование позиции рабочих интенсивнее идет по отцовской линии.

Второй важнейший показатель влияния родительской семьи на социальную карьеру респондентов – уровень образования родителей. Он в решающей мере воздействует на степень развитости культурной микросреды детей, которая активно влияет на формирование их качественных характеристик в процессе социализации. В группах управленческого и интеллектуального труда, профессии которых требуют солидной общеобразовательной и специальной подготовки, особенно высока степень передачи ценностей образования от родителей к детям. Так, у профессионалов с высшим образованием в 18% случаев отцы не имели полного среднего образования, 32% получили среднее специальное образование и 35% – высшее. У менеджеров (управляющих высшего и среднего звена) соответствующие показатели составили – 21, 39 и 33%. При этом перечисленные социально-профессиональные группы также характеризуются наиболее высокими показателями связи между уровнем образования родителей и уровнем образования респондентов на протяжении всех трех опросов (см. табл. 11). То есть накопленный предшествующими поколениями социальный потенциал лишь у определенной части респондентов воспроизводится в том же виде, а для многих – служит базой для повышения социального статуса.

Роль типа поселения как среды социализации на разных этапах жизненного пути индивида наглядно демонстрируют следующие данные. По опросу 1994 г. из респондентов, начавших обучение в сельской школе, а свою трудовую деятельность неквалифицированными рабочими, 36,1% остались в том же слое, 26,6% перешли в слой квалифицированных рабочих, 3,2% стали техническими работниками в сферах бытовых услуг и организации, работниками со средним специальным образованием – 12,7%; и лишь 8,9% стали работниками умственного труда, занятыми на должностях, требующих высшего образования. Из малоквалифицированных рабочих, начавших обучение

в школе крупного города, 33,3% остались в слое, 16,7% стали квалифицированными рабочими, 5,0% – техническими работниками, 15,0% – служащими со средним специальным образованием, 15,0% – профессионалами с высшим образованием, 10,0% – высококвалифицированными профессионалами.

А теперь обратимся к данным опроса 2006 г. Несложно заметить, что социальные катаклизмы 1990-х гг. не могли не сказаться на карьерной мобильности. Работники, начавшие обучение в школе в менее развитых территориальных средах, более стабильны в слое. По опросу 2006 г. оказалось, что среди квалифицированных рабочих здесь осталось 49,9% выходцев из деревни и 50,1% горожан. Соответственно, в слое технических работников – 49,6 и 50,4%. Причем среди выходцев из сельской местности большее количество (по сравнению с горожанами) переходит в менее продвинутые социальные слои. Например, из квалифицированных рабочих занялись неквалифицированным физическим трудом, соответственно, 13,7 и 9,0%; из слоя работников с высшим образованием перешли на позиции, не требующие такового, 10,7 и 5,7%, стали квалифицированными рабочими – 3,8 и 1,9%.

Тип поселения оказывает влияние на направленность мобильности индивидов. Выходцы из крупных городов (региональных центров, а также Москвы и Санкт-Петербурга) гораздо сильнее, чем из малых городов и сельской местности, ориентированы на профессии с творческим характером труда и управленческую деятельность. Так, среди первых в 2006 г. 4,5% занимали позиции управляющих высшего и среднего звена, 23,4% – высококвалифицированных профессионалов и профессионалов с высшим образованием; среди выходцев из менее развитых территориальных сред 3,0% попали в группы менеджеров и 10,7% – квалифицированных работников умственного труда. Это говорит о том, что выходцы из менее развитых территориальных сред обладают меньшим темпом социального продвижения, сфера доступного разнообразия мест приложения труда для них существенно уже, чем для тех, кто выросли в более развитом типе поселения.

Наконец, представляется важным оценить общий характер изменений в динамике статусов респондентов, произошедших в стране за период, охватываемый нашими представительными опросами. Данные свидетельствуют, что интенсивность индивидуальных карьерных перемещений постепенно снизилась: если в 1994 г. 52,8% не

Таблица 11

Зависимость уровня образования респондента в момент опроса от уровня образования отца/матери к моменту начала респондентом трудовой деятельности
(по материалам опросов 1994 и 2006 гг., в коэффициентах Крамера)

Социальный статус респондента	1994 г.	2006 г.
Предприниматели	0,347 (0,662)	0,298 (0,157)
Управляющие высшего звена и чиновники	0,669 (0,444)	–
Управляющие среднего звена	0,516 (0,250)	0,466 (0,000)
Руководители низового уровня	0,300 (0,103)	0,238 (0,097)
Высококвалифицированные профессионалы	0,259 (0,332)	0,320 (0,004)
Профессионалы с высшим образованием	0,278 (0,000)	0,178 (0,077)
Работники со средним специальным образованием	0,189 (0,112)	0,178 (0,041)
Технические работники (в торговле, обслуживании)	0,465 (0,008)	0,202 (0,079)
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	0,242 (0,000)	0,161 (0,000)
Не- и полуквалифицированные рабочие	0,304 (0,000)	0,260 (0,000)

Примечание: значимость коэффициентов приводится в скобках под соответствующим значением коэффициента. При проведении расчета выбирался тот из родителей, чей уровень образования был выше.

изменили свой социально-профессиональный статус к моменту опроса по сравнению с его уровнем на начало трудовой деятельности), то в 2006 г. этот показатель составил 56,7%. При этом повышение социального статуса в 2006 г. отмечалось лишь в 13,1% случаев, что лишь немногим выше, чем в 1994 г. (12,2%). Таким образом, импульс, заданный социально-экономической трансформацией начала 1990-х гг. и открывший определенные возможности для социально-профессионального роста россиян, уже к концу 2006 г. оказался практически исчерпанным, и тенденция к нисходящей социальной мобильности становится все более выраженной. Это подтверждает не раз высказанное нами предположение о “застойности” социально-профессиональной структуры современной России и отсутствии позитивных сдвигов в ее динамике.

Если говорить о динамике внутрипоколенной мобильности с 1994 г. по 2006 г., то здесь ситуация очень схожа с позднесоветским этапом: полученные данные свидетельствуют о практическом отсутствии изменений в социально-профессиональной стабильности работников. Как уже отмечалось, состояние и сохранность массива по Татарстану сделала невозможным прямое сопоставление наших представительных обследований 1994 и 2006 гг. с материалами позднесоветских опросов 1974 и 1983 гг. Тем не менее для прояснения изменения трендов социальной мобильности, ее масштабов и характера эти данные, представляющие предыдущие десятилетия и охватывающие жизнь населения крупного советского города практически за все годы советской власти (особенно опрос 1974 г., где были представлены сведения о судьбах родителей на разных этапах их жизни), дают возможность сформулировать некоторые выводы по постсоветским материалам, которые не были бы столь очевидными без проведения такого сопоставления. Так, совершенно очевидно, что страна, имеющая в своем составе 73–74% городского населения и в которой значительная часть сельских жителей занята не в аграрном секторе, уже многие годы практически не располагает ресурсами мобильности, носящей вертикальный характер – от простейших сельских занятий к квалифицированным и полуквалифицированным городским. Уже это существенно ограничивает возможности населения совершенствовать свои социальные позиции и рассчитывать на лучшее будущее.

В то же время, если продолжить эту линию, для сотен тысяч, если не миллионов, людей – выходцев из села, закрытым оказался такой канал восходящей социальной мобильности, как развитие фермерства (здесь мы этот вопрос не обсуждаем специально, в силу характера проведенных в 1994 и 2006 гг. обследований). Кроме того, наши обследования не давали возможности отследить карьерные перемещения такой группы, как профессиональная часть вооруженных сил. Поэтому, хотя наши постсоветские опросы и охватили все население страны, мы вынуждены рассматривать мобильность преимущественно в системе городских занятий.

Движения были разделены в ряде таблиц на две части: *перемещения профессиональные* – горизонтальные перемещения, связанные со сменой вида занятий/деятельности, но не влекущие за собой изменения социального статуса хотя бы в пределах основных трудовых слоев; и собственно *социальные перемещения*, которые связаны с изменением принадлежности к социально-профессиональному слою, занимающему определенную нишу в социально-профессиональной стратификации населения страны. Здесь нужно иметь в виду некоторые существенные ограничения. Сигналы, свидетельствующие о соответствии жизнедеятельности общества коренным принципам его организации (то, что применительно к нашей проблеме обозначено как принципы *медитократические* и *меритократические*), с наибольшей яркостью прослеживаются в характере формирования высших слоев общества (его элиты). Представительной базой данных, которая была бы основанием для устойчивых научных выводов, мы, к сожалению, не обладаем. Качественные методы, дающие возможность обобщить отдельные индивидуальные биографии, мы сочли недостаточными для научно обоснованных выводов. Чтобы обеспечить большую сопоставимость данных и избежать разнонаправленных векторов социальной мобильности, естественных в каждом младшем поколении экономически активных сограждан, во всех сконструированных нами

ниже таблицах было взято старшее работающее поколение в возрасте от 40 до 60 лет. Первая грань – очевидная. Что касается 60-летия, то практически доля выходящих за этот возраст в целом по стране в составе занятых невелика, а главное, там наблюдается переход к занятиям специфически “пензионерским”, не требующим, как правило, высокой квалификации и сопряженным с зарплатами, выполняющими роль дополнения к пенсионным доходам.

Теперь, временно абстрагируясь от тех, не всегда желательных, ограничений, о которых было сказано выше, рассмотрим информацию о динамике внутр поколенческих социальных перемещений и попытаемся проанализировать изменения, произошедшие в характере этих перемещений за период, охваченный нашими представительными опросами. Начнем с серии таблиц, демонстрирующих траектории жизненных путей старшего поколения (см. табл. 12). Январь 1994 г. – время проведения первого из этих опросов, застал население в период сумятицы, когда шло резкое падение производства и закрепление собственности за новыми владельцами, массово увольнявшими ненужных им квалифицированных людей, работавших преимущественно в обрабатывающей промышленности, составлявшей стержень советской экономики.

Результаты налицо. Не секрет, что после событий 1990-х гг. среди занятых резко сократилась доля лиц квалифицированного умственного труда, которые некогда определяли облик СССР как страны развитого индустриального экономического порядка: упало не только количество инженерных позиций – в значительной мере сократилось количество людей, занятых в научно-исследовательском секторе. Добавим, что по нашим данным такая категория работников, как профессионалы, в период с 1994 г. по 2006 г. утратила свою подвижность в плане социально-профессиональных перемещений: доля начинающих свой трудовой путь в этом же качестве увеличилась с 40,9% до 53,4% (см. табл. 13). Заметно реже переход в эту группу стал осуществляться с

Таблица 12

Карьерная мобильность работающего населения в возрасте от 40 до 60 лет
(по материалам опросов 1994 и 2006 гг., в % ответивших по строке)

Социальное положение в момент опроса	Не менявшие профессию и социальное положение	Изменившие профессию и социальное положение	Изменившие профессию, но сохранившие социальное положение
Предприниматели	0,0/0,0	100/100	0,0/0,0
Управляющие высшего звена и чиновники	25,0/0,0	75,0/100	0,0/0,0
Управляющие среднего звена	0,0/2,0	100/96	0,0/2,0
Руководители низового уровня	12,5/9,7	83,9/90,3	3,6/0,0
Высококвалифицированные профессионалы	16,6/29,6	77,8/70,4	5,6/0,0
Профессионалы с высшим образованием	29,1/44,5	59,1/46,4	11,8/9,1
Работники со средним специальным образованием	37,9/34,6	50,6/55,3	11,5/10,1
Технические работники (в торговле, обслуживании)	23,5/26,3	76,5/64,3	0,0/9,4
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	40,6/40,3	29,6/29,8	29,8/29,9
Не- и полуквалифицированные рабочие	40,7/25,9	44,4/47,7	14,9/26,4
Всего	29,7/28,3	50,5/51,1	19,8/20,6

**Соотношение социально-профессионального положения респондентов
в начале карьеры и на момент опроса**

(по материалам опросов 1994 и 2006 гг., в % ответивших по столбцу)

Социально-профессиональное положение в начале карьеры	Социально-профессиональное положение в момент опроса				
	Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	Профессионалы с высшим образованием	Технические работники	Управляющие среднего звена	Предприниматели
Предприниматели	0,0/0,0	0,0/0,0	0,0/0,0	0,0/0,0	0,0/0,0
Управляющие высшего звена и чиновники	0,0/0,0	0,0/0,0	0,0/0,0	0,0/0,0	0,0/0,0
Управляющие среднего звена	0,6/0,0	0,0/0,0	0,0/0,0	0,0/4,8	0,0/0,0
Руководители низового уровня	0,6/0,3	2,4/1,5	0,0/6,9	15,0/2,4	0,0/2,4
Высококвалифицированные профессионалы	0,0/1,1	7,1/3,8	0,0/0,0	10,0/7,1	8,3/4,9
Профессионалы с высшим образованием	2,6/0,3	40,9/53,4	11,8/4,6	25,0/35,7	25,0/17,1
Работники со средним специальным образованием	3,2/4,8	20,5/13,7	29,4/14,9	15,0/16,7	16,7/2,4
Технические работники (в торговле, обслуживании)	3,2/6,0	3,9/7,6	23,5/32,2	0,0/4,8	0,0/14,6
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	70,8/70,4	12,6/9,9	5,9/23,0	30,0/11,9	33,3/34,1
Не- и полуквалифицированные рабочие	18,8/17,1	12,6/9,9	29,4/18,4	5,0/16,7	16,7/24,4

позиций, требующих более высокой квалификации и выполнения управленческих функций: в общей сложности с 9,5% в 1994 до 5,3% в 2006 г. В то же время реже профессионалы стали начинать свой трудовой путь с более низких социальных позиций (49,6% в 1994 г. против 41,1% в 2006 г.). Причем подавляющее число профессионалов приобретают свой нынешний социально-профессиональный статус уже в 30 лет (см. табл. 14). Характерно, что по сравнению с 1994 г. в 2006 г. частота переходов в эту группу с более низких социальных позиций за рассматриваемый отрезок жизненного пути (30 лет – момент опроса) заметно сократилась (см. табл. 14).

Для упрощения задачи опускаем данные опроса, проведенного в 2002 г., которые также зафиксировали резкое снижение количества квалифицированных интеллектуальных ресурсов в трудовой массе страны. Отметим лишь, что по нашим данным по сравнению с 2002 г. в 2006 г. этот процесс лишь усугубился. Увеличился процент технических работников, среди которых в 1994 г. довольно высокой была доля тех, кто начинали свой трудовой путь с позиций, требующих среднего специального и высшего образования (41,2%). Это те, кто ушли с позиций, требующих высокой квалификации, на множившиеся рабочие места, предоставляемые расширявшейся сферой торговли и услуг. К 2006 г. доля лиц, начинавших трудовую деятельность в качестве профессионалов с высшим и средним специальным образованием, в составе категории технических работников сократилась до 19,5% при общем увеличении доли лиц, занявших это социально-профессиональное положение с самого начала своей трудовой деятельности: с 23,5% в 1994 г. до 32,2% в 2006 г. (см. табл. 13). В связи со сказанным достаточно вспомнить, что мужская рабочая сила была использована в качестве частных охранников (по некоторым данным, их численность составила до миллиона человек),

которых вообще не существовало ранее, поскольку эти функции, требовавшиеся в гораздо меньшем объеме, при прежнем порядке выполняла милиция.

Такие востребованные в советское время специалисты, как станочники, слесари, наладчики, инструментальщики и т.д., те самые, которых сейчас так остро не хватает промышленности, были вынуждены зарабатывать за пределами этих позиций: кто-то ушел в подсобное хозяйство; кто-то – в сферу услуг, не говоря уже о таком явлении, как “челночничество”, которое составляет значительную часть занятых в экономике страны, но остается не учтенным государственной статистикой. Так, в подавляющем числе случаев (70–71%) работники квалифицированного и высококвалифицированного физического труда не меняли своего социально-профессионального положения с начала трудовой деятельности как в 1994, так и в 2006 г. Однако если в 1994 г. те, кто на момент опроса были квалифицированными рабочими, лишь в 2,6% случаев начинали свою карьеру с позиций, требующих высшего профессионального образования, а в 1,2% случаев – с управляющих должностей, то в 2006 г. в составе опрошенных совершивших подобные переходы практически не осталось. В то же время более частыми стали переходы в состав квалифицированных рабочих из промежуточных социально-профессиональных позиций (технические занятия, а также занятия, требующие среднего специального образования) – с 6,4% в 1994 г. до 10,8% в 2006 г. Надо полагать, что во многих случаях это возвращение на первоначальные позиции: согласно нашим данным (см. табл. 14) в 2006 г. 3,4% из состава квалифицированной рабочей силы вернулись в эту группу из технических работников в сфере торговли и обслуживания.

Таблица 14

**Соотношение социально-профессионального положения респондентов
в 30 лет и на момент опроса**
(по материалам опросов 1994 и 2006 гг., в % ответивших по столбцу)

Социально-профессиональное положение в начале карьеры	Социально-профессиональное положение в момент опроса				
	Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	Профессионалы с высшим образованием	Технические работники	Управляющие среднего звена	Предприниматели
Предприниматели	0,0/0,0	0,0/0,7	0,0/2,3	0,0/2,1	9,1/16,7
Управляющие высшего звена и чиновники	0,0/0,0	0,0/0,0	0,0/0,0	0,0/0,0	0,0/0,0
Управляющие среднего звена	0,0/0,0	2,4/0,0	0,0/3,5	25,0/16,7	0,0/7,1
Руководители низового уровня	2,6/1,2	4,0/9,5	0,0/12,8	5,0/8,3	0,0/7,1
Высококвалифицированные профессионалы	0,0/0,6	8,9/6,6	0,0/0,0	10,0/14,6	27,3/4,8
Профессионалы с высшим образованием	2,6/1,2	58,1/62,0	5,9/5,8	35,0/33,3	9,1/23,8
Работники со средним специальным образованием	7,8/2,3	21,0/5,8	23,5/12,8	20,0/16,7	18,2/2,4
Технические работники (в торговле, обслуживании)	3,2/3,8	3,2/2,9	52,9/43,0	0,0/4,2	0,0/7,1
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	75,3/86,0	1,6/7,3	5,9/18,6	0,0/4,2	18,2/19,0
Не- и полуквалифицированные рабочие	8,4/4,7	0,8/5,1	11,8/1,2	5,0/0,0	18,2/4,8

У нас и поныне миллионы рабочих рук не входят в совокупную рабочую силу, фиксируемую государственной статистикой. Таким образом, мы имели дело с мобильностью, которая во многих случаях формально могла быть оценена как горизонтальная. Однако если учесть качественное состояние рабочих мест и реальные функциональные требования, то эту социальную мобильность на самом деле можно было бы оценить как нисходящую. Неудивительно, что в этих условиях общая образованность и квалифицированность занятого населения осталась прежней, поскольку система образования долгое время держалась на инерции консервативной части работников, занятой в этой сфере и не покидавшей работу, несмотря на порядочно сократившуюся заработную плату. Последствия сказались позднее, когда отток наиболее квалифицированных работников из сферы образования и подготовки стал сказываться на самой возможности воспроизводства квалифицированной рабочей силы.

Управляющие среднего звена в 1994 г. чаще всего начинали свой трудовой путь в роли квалифицированных рабочих (30,0%) и профессионалов (35,0%, если суммировать с высококвалифицированными профессионалами). В 2006 г. – 11,9 и 42,8%, соответственно. В 1994 г. технические работники в 29,4% случаев начинали неквалифицированными рабочими, в 5,9% квалифицированными рабочими. В 2006 г. это соотношение изменилось радикально: 23,0 и 18,4%, соответственно.

По нашим данным (см. табл. 15) получается, что наибольшие потери в результате реформ начала 1990-х гг. понесли высококвалифицированные профессионалы – доля тех, кому удалось сохранить свое социально-профессиональное положение, составила на момент опроса 1994 г. 76%. Это показывает, сколь дурно сказались удары, нанесенные реформами по науке, особенно прикладной, включая научные центры, связанные с оборонной промышленностью. Любопытно, что многие, чтобы не терять связь с любимым делом, пошли на снижение социальной позиции, переходя на более низкие статусные позиции, но тем не менее преимущественно в сфере квалифицированного нефизического труда. Так, из 34% высококвалифицированных профессионалов, изменивших свое социально-профессиональное положение к моменту опроса 1994 г., около половины (15%) ушли в категорию профессионалов с высшим и средним образованием; примерно по 5% перешли на управляющие позиции и в предпринимательство.

К 2006 г. только половина (50%) из тех, кто принадлежали к группе высококвалифицированных профессионалов в канун реформ, сохранили свой статус, что, по видимости, связано со старением кадров и отсутствием пополнения данной группы за счет молодежи, окончившей высшие учебные заведения. Переход в другие социально-профессиональные группы осуществлялся в основном, как и прежде, но с большей интенсивностью, в категории простых профессионалов (с высшим образованием – 12%, со средним специальным – 10%). Крайне тревожно, что к 2006 г. часть этих работников – почти 9% – были вытолкнуты в рабочие профессии, чего не происходило в 1994 г.

Что касается людей с более скромной позицией – простых профессионалов – то для них сохранение своего социально-профессионального статуса было более вероятным: только 18% респондентов, принадлежавших к данной группе в канун реформ 1990-х гг., изменили свое положение к моменту опроса 1994 г. Как уже было показано, общая численность профессионалов, по нашим данным, не претерпела особых изменений, а вот распределение по отраслям деятельности значительно изменилось. Так, по данным 1994 г., наиболее динамичная часть профессионалов из тех, кто были таковыми в канун реформ, перешли на позиции, требующие более высокой квалификации (в 3% случаев), в предпринимательство (2%) и на управленческие позиции (4%). По данным опроса 2006 г., эти цифры составили 4, 5 и 15%, соответственно, при том, что доля профессионалов, не изменивших свое социально-профессиональное положение по сравнению с концом 1980-х гг., сократилась до 61% (с 82% в 1994 г.). Эта информация, к сожалению, не совсем представительна в виду того, что полнота ответов о статусе людей перед началом реформ оставляла желать лучшего. Поэтому речь идет скорее не о статистически безукоризненных данных, а о некоторых предварительных зарисовках, где цифровые показатели нуждаются в дополнительной проверке.

Последствия реформ 1990-х и характер социальной мобильности
(по материалам опросов 1994 и 2006 гг.)

Социально-профессиональное положение респондентов в канун реформ 1989–1990 гг.	Доля сохранивших свое социально-профессиональное положение к моменту опроса	
	1994 г.	2006 г.
Предприниматели	100,0	40,0
Управляющие высшего звена и чиновники	100,0	–
Управляющие среднего звена	72,2	50,0
Руководители низового уровня	81,1	39,0
Высококвалифицированные профессионалы	75,8	50,0
Профессионалы с высшим образованием	81,6	61,0
Работники со средним специальным образованием	77,1	59,2
Технические работники (в торговле, обслуживании)	77,8	41,3
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	90,7	73,2
Не- и полуквалифицированные рабочие	86,8	65,0

Наиболее ощутимые изменения в динамике социальных перемещений имели место в такой группе работников, как руководители низового уровня. В 81% случаев в 1994 г. те из респондентов, кого мы отнесли к данному социальному слою в канун реформ 1989–1990 гг., сохранили свое положение на момент опроса, тогда как в 2006 г. среди таковых оказались лишь 39%. Основными каналами перемещений для данной группы, по данным опроса 2006 г., стали категории профессионалов (18%), рабочие профессии разного уровня квалификации (16%), технические профессии в торговле и обслуживании (9%).

Наконец, рассмотрим такую группу, как квалифицированные и высококвалифицированные рабочие. Согласно материалам опроса 1994 г., ядро этой группы практически полностью уцелело, несмотря на значительные изменения, которые претерпела экономика страны за довольно короткий период со времени реформ 1989–1990 гг.: к моменту проведения обследования свое социально-профессиональное положение удалось сохранить 91% из тех, кто стали работниками квалифицированного труда в дореформенное время. В незначительном числе случаев переходы осуществлялись в сферу неквалифицированного физического труда (4%), а также сопровождались повышением социального статуса при переходе на позиции руководителей низового звена (3%). К 2006 г. судьба рабочих тем не менее изменилась кардинально: свое социально-профессиональное положение к моменту проведения соответствующего опроса сохранили только 73% из тех, кто занимались квалифицированным физическим трудом до начала реформ. При этом значительно увеличилась доля тех, кто переходили на позиции, не требующие особой квалификации (10%), а часть рабочих вовсе была вынуждена переходить на позиции в сфере торговли и обслуживания (4%).

* * *

Не оценивая всего разнообразия позиций по поводу типа общества, который сформировался в современной России, обозначим лишь, что сами мы не относим себя к сторонникам ни буржуазного, ни демократического сценария его развития. Мы решительно против того, чтобы считать любое общество, не обладающее этими характеристиками, обществом недоразвитым или обществом, обреченным на трагическую

судьбу. Мы рассматриваем современную Россию как представительницу специфической евразийской цивилизации с тысячелетиями воспроизводившимися в ней отношениями “власти-собственности”, как носительницу определенных традиций управления и организации социальной и гражданской жизни. Очевидно, что в этом обществе за вычетом отдельных периодов возможны высокие темпы мобильности, связанные с интенсивными процессами индустриализации и/или урбанизации.

Мы исходим из того, что предыдущая фаза, фаза советского этакратизма, как раз совпала с этапом такой модернизации, которая создала параллельную индустриальную экономику, равноценную капиталистической, но созданную на принципиально иных началах. Поэтому естественно было ожидать, что уровень социальной мобильности в таком обществе мог быть достаточно высоким. Полагать, что советское общество состояло лишь из номенклатуры и массы бесправных граждан, значит не понимать сущности социальных отношений и социальной стратификации в обществе этого весьма своеобразного порядка.

Данные о развитии социальных процессов в России за постсоветский период продемонстрировали, что в условиях трансформационной ломки, затянувшейся на все 1990-е гг., а в некоторых аспектах и затронувшей 2000-е гг. социального кризиса, мобильность в российском обществе носила деформированный характер. Ее масштабы были явно недостаточны с точки зрения выдвижения на передние позиции более динамичных и подготовленных членов общества. Теоретически мы предполагаем, что это было связано с реализацией так называемого медитократического принципа с консервацией на высших слоях общественной системы, лояльных к ней, но не обладающих при этом высокой степенью одаренности и подготовленности членов общества.

Гипотеза о медитократической организации социальной мобильности и формировании элиты была сформулирована нами как результат проработки данного исследования. Мы не имели возможности провести специализированное исследование, позволившее признать эту гипотезу вполне обоснованной. Поэтому речь идет лишь о некотором наброске, предпосылках, развивающих данную гипотезу. Что касается нисходящей социальной мобильности, то, к сожалению, ее масштабы, особенно таких важных для модернизационных процессов слоев, как высококвалифицированные профессионалы и высококвалифицированные рабочие, была избыточной, и начавшиеся были процессы, скорректировавшие эту негативную мобильность и во многом ее преодолевшие, были прерваны текущим кризисом. Таким образом, мы считаем, что наши результаты не подводят черту под исследованиями, а скорее, позволяют сформулировать некоторые идеи, дающие основание другим ученым или нам самим рассчитывать на более корректные научные результаты в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Корицунов А.М. Влияние социальных факторов на воспроизводство трудового потенциала города. Дис... канд. социол. наук. М., 1988 г.

Шкаратан О.И. Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов // *Общественные науки и современность.* 2011. № 1.

Шкаратан О.И. Опыт исследования социального воспроизводства в городах СССР // *Человеческий фактор в социальном воспроизводстве (междисциплинарные исследования).* М., 1987.

Шкаратан О.И. и коллектив. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // *Мир России.* 2007. № 3.

Этносоциальные проблемы города. М., 1986.

Ястребов Г. Характер социально-экономической дифференциации населения: сравнительный анализ России и Европы // *Мир России.* 2010. № 3.